

УДК 82(091)
ББК 83.3(2Рос2=Рус)1
П576

Старостин А. И.

П576 Неправильные сочинения. Комментарии к комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». — М.: «Издание книг ком», 2020. — 356 с.

ISBN 978-5-907250-53-6

Идеализация литературных героев у автора этой книги всегда вызывала протест. Но более всего удивляло то, что в школьные годы о них можно было дискутировать лишь в определённых рамках, то есть только хвалить положительных и осуждать отрицательных, а кто из них какой было задано учителем и не подлежало сомнению.

Этой подборкой статей автор пытается доказать, что герои комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» далеко не так однозначны, как это в свое время преподносилось нам в школе, и что идеализация или осуждение некоторых её персонажей проистекает не из текста самой комедии и замысла писателя, а из неких общих идеологических установок. Как у него это получилось — судить вам!

УДК 82(091)
ББК 83.3(2Рос2=Рус)1

© Старостин А. И., 2020
© «Издание книг ком»,
о-макет, 2020

ISBN 978-5-907250-53-6

От автора

Автор этих сочинений и комментариев не претендует на то, что он открыл что-то новое и точно не считает себя абсолютно объективным. Уже звучала мысль, что Чацкий не так хорош, как его рекомендуют школьные учебники, а главным героем комедии является не он, а Молчалин. Нет, то, что предлагает вам автор, — не открытие, — это просто другой взгляд на комедию «Горе от ума». Это взгляд человека, отрицавшего стереотипы, которые в него вкладывали со школьной скамьи, попытка разобраться: кто же есть кто на самом деле, без идеологических или каких-либо других бантиков. В школьные годы я потерял интерес к этой комедии и её героям ровно в тот момент, когда наш учитель уклонился от моего вопроса о возрасте Чацкого. По всем его речам, это был самовлюблённый, эгоистичный юноша с затянувшимся пубертатным периодом, склонный к нарциссизму и ничего ещё не понявший в жизни и людях, в представлении которого булки растут на всех ёлках и именно для него. Пройденный же им жизненный путь, военная и статская служба, заграничная 3-летняя поездка, указывает на то, что он вполне зрелый мужчина. Интерес к этой комедии вряд ли возник бы вновь, если бы не утверждение уважаемого Александра Минкина, что сейчас мало Чацких, вызвавшее недоумение автора. Некоторые авторитетные писатели и педагоги охотно цитировали выражения Чацкого, а его самого преподносили в лучших традициях школьной программы, что вызывало у автора отторжение и более всего тем, что эти уважаемые и мыслящие люди не затрудняются проанализировать героев комедии, а пользуются давно устаревшими клише. Впрочем, а почему устаревшими? — совершенно ничем, кроме идеологии, на взгляд автора, не обоснованными клише, которые достались нам в наследство от века XIX, когда любую глупость стремились выдать за борьбу с царизмом.

Всеми почитателями Чацкого или не понимается, или игнорируется то, что А.С. Грибоедов писал свою комедию не для молчаливых, то есть не для мещан или дворян в первом поколении, а для дворян потомственных — чацких, репетиловых и загорецких, и не с тем, чтобы польстить их самолюбию, а с целью ровно обратной, — показать бессмысленность и бессмысленность их жизней, их суеты и их путешествий. Впрочем, цель А.С. Грибоедова автор этих комментариев может только предполагать, но вот состав читателей комедии не подлежит сомнению, так как она разошлась в списках, количеством, по некоторым сведениям, до 30 000 экземпляров, именно среди дворян.

Целью данной публикации является желание оживить интерес к классической литературе, в значительной мере угасающий, как к историческому и философскому наследию.

Спасибо всем, кого не оставит равнодушным эта публикация.

«Горе от ума». Лекция дилетанта

Дилетант — любитель, знаток, охотник до чего; занимающийся чем не по званию, а по призванию, любви, охоте, наклонности (говор. о художествах, особ. о музыке)

Словарь В. Даля

«Не требуя ни мест, ни повышенья в чин».

А. С. Грибоедов, «Горе от ума»

Именно в этом моё преимущество перед теми, кто работает на филологических факультетах вузов, в издательствах педагогических или литературных журналов. Мне не нужно научное звание, мне не надо иметь сколько-то публикаций в год. Гонорар?.. Неплохо бы, но необязательно. Самая большая моя мечта, это хорошая дискуссия на тему «Горя от ума», чтобы убедиться в правоте своих предположений или быть переубеждённым более подготовленным, чем я, профессионалом или любителем, — неважно. А тот факт, что литературные сайты вроде «LITERARU» или «1 сентября» уклоняются от дискуссий фразой: «Вы имеете право на собственное мнение», или цитатами «из забытых газет времён Очакова и покоренья Крыма», только добавляет мне уверенности в собственной правоте.

Для начала я напомним вам одно место из «Приключений Гекльберри Финна», а именно «Королевскую жирафу»:

«Потом герцог опустил занавес, раскланялся перед публикой и объявил, что эта замечательная трагедия будет исполнена только ещё два раза, по случаю неотложных гастролей в Лондоне, где все билеты на предстоящие спектакли в театре «Друри-Лэйн» уже проданы; потом опять раскланялся и сказал, что если почтеннейшая публика

нашла представление занятным и поучительным, то её покорнейше просят рекомендовать своим знакомым, чтобы и они пошли посмотреть.

Человек двадцать закричали разом:

— Как, да разве уже кончилось? Разве это всё?

Герцог сказал, что всё. Тут-то и начался скандал. Подняли крик: «Надули!» — обозлившись, повскакали с мест и полезли было ломать сцену и бить актёров. Но тут какой-то высокий осанистый господин вскочил на скамейку и закричал:

— Погодите! Только одно слово, джентльмены!

Они остановились послушать.

— Нас с вами надули, — здорово надули! Но мы, я думаю, не желаем быть посмешищем всего города, чтоб над нами всю жизнь издевались. Вот что: давайте уйдём отсюда спокойно, будем хвалить представление и обманем весь город! Тогда все мы окажемся на равных правах. Так или нет?

— Конечно, так! Молодец судья! — закричали все в один голос.

— Ладно, тогда ни слова насчёт того, что нас с вами надули. Ступайте домой и всем советуйте пойти посмотреть представление.

На другой день по всему городу только и было разговоров, что про наш замечательный спектакль. Зал был опять битком набит зрителями, и мы опять так же надули и этих. Вернувшись с королём и герцогом к себе на плот, мы поужинали все вместе, а потом, около полуночи, они велели нам с Джимом вывести плот на середину реки, спуститься мили на две ниже города и там где-нибудь его спрятать.

На третий вечер зал был опять переполнен, и в этот раз пришли не новички, а все те же, которые были на первых двух представлениях. Я стоял в дверях вместе с герцогом и заметил, что у каждого из зрителей оттопыривается карман или под полой что-нибудь спрятано; я сразу понял, что это не какая-нибудь парфюмерия, а совсем даже наоборот. Несло тухлыми яйцами, как будто их тут были сотни, и гнилой капустой; и если только я знаю, как пахнетдох-

лая кошка, — а я за себя ручаюсь, — то их пронесли мимо меня шестьдесят четыре штуки. Я потолкался минутку в зале, а больше не выдержал, — уж очень там крепко пахло. Когда публики набилось столько, что больше никому нельзя было втиснуться, герцог дал одному молодчику двадцать пять центов и велел ему пока постоять в дверях, а сам пошёл кругом, будто бы на сцену, и я за ним; но как только мы повернули за угол и очутились в темноте, он сказал: «Иди теперь побыстрей, а когда отойдёшь подальше от домов, беги к плоту во все лопатки, будто за тобой черти гонятся!»

Я так и сделал, и он тоже. Мы прибежали к плоту в одно и то же время и меньше чем через две секунды ужеплыли вниз по течению в полной тишине и темноте, правая наискось к середине реки и не говоря ни слова. Я было думал, что бедняге королю не поздоровится, а оказалось — ничего подобного: скоро он выполз из шалаша и спросил:

— Ну, герцог, сколько мы загребли на этом деле?..

Он, оказывается, вовсе и не был в городе».

Предвижу ваш первый вопрос: «А при чём здесь Марк Твен?» Очень даже при чём. Этот американский писатель показывает, как ни странно это будет звучать, своеобразие именно русской души. Вот что я имею в виду: мы, вместо того чтобы признать свои ошибки, предпочитаем вводить в заблуждение следующие за нами поколения. У нас всегда находится умный судья, который, вопреки здравому смыслу, призывает не восстановить справедливость тут же, а самим включиться в процесс обмана из-за боязни быть осмеянными за даже мелкую оплошность сейчас, не предвидя неотвратимой катастрофы в будущем. Инициатор такого обмана, пусть даже добросовестного заблуждения, который протянулся на десятилетия, а тем более столетия... — величайший преступник перед потомками. Получается этакая круговая порука в обмане и самообмане, и, во избежание разоблачения, в неё надо втягивать всё новые и новые поколения. И это даже в таких пустяках, как оценка ска-

зочных или литературных героев! Как же люди не любят расставаться с привычными, хоть и необъяснимыми стереотипами! А если таких обманов или заблуждений, участие в которых приняло несколько поколений, да ещё с самых что ни на есть молодых ногтей, накопилось преизряднейшее количество? Когда только лишь вступающему в жизнь человеку на чёрное говорят, что оно белое, и заставляют не только это повторять, но и транслировать окружающим, да ещё ставят за лучшее обоснование лжи наивысшие оценки? С самой колыбели детям поколениями внушают, что богатыми быть плохо и богатые всегда глупые и жадные, но быть самым богатым, то есть царём, хорошо, а лучше всего — сделать карьеру царя вдруг, ни с того ни с сего. Попробуй, разберись детскими мозгами, почему царь Горох обязательно плохой, а царь Иван-дурак или царь Емеля обязательно хороший? Почему в жизни ругают за лень, а ленивые сказочные герои всегда оказываются в шоколаде? Разве хорошо быть царём без царя в голове? И как это понять 3–4–5-летнему ребёнку? Где тот самый «намёк», который и должен стать уроком подрастающему «добру молодцу»?

«Королевская жирафа» во всех видах с младенчества сопровождает человека всю его жизнь, так как если кто-то, да ещё с именем, ошибся в оценке литературного или исторического события или персонажа, то эту ошибку ни в коем случае нельзя исправлять, — ведь живы ещё те, кто в эту ошибку свято верил, или их дети, или внуки! И так эта ошибка, которая зачастую является полной глупостью, коучет по страницам учебников из года в год, из десятилетия в десятилетие, а некоторым скоро исполнится по 200 лет.

Как ни хорош был Марк Твен, но без цитирования отечественных классиков нам не обойтись:

*Вертит очками так и сяк:
То к темю их прижмёт, то их на хвост нанижет,
То их понюхает, то их полижет;
Очки не действуют никак.*

Опять я постараюсь опередить ваш удивлённый вопрос, а к чему теперь «Мартышка и очки»? Этой басней наш великий Иван Андреевич Крылов показывает нам, что классика не умирает, ведь не сыскать области, куда не подошёл бы этот пример! Не то ли у нас хоть в экономике, хоть в демократии, хоть в использовании талантов русского народа, так почему же сама классическая литература должна быть исключением?

Мне не однажды, впрочем, как, наверное, и вам, доводилось слышать, что классическая литература уже не имеет смысла, что нет смысла её не только изучать, но и вообще читать. Может быть, это прозвучит странно, но я согласен с этим мнением с небольшой оговоркой. Русскую классическую литературу нет смысла изучать и вообще читать так, как этому учат в школе. Создаётся впечатление, что профессионалы от литературы хотят возвести её на какой-то недостижимый пьедестал, чтобы её выучивали и цитировали с придыханием — как откровение.

Мнение тех, кто с большим или меньшим на то основанием назвал себя или кого назвали литературными критиками, почему-то считается окончательным и не подлежащим пересмотру, даже в свете вновь открывшихся фактов, как будто мнение — всего лишь мнение, Белинского, Надеждина или кого-то ещё является краеугольным камнем бытия. Впрочем, так оно, наверное, и было: начнёшь обсуждать директивное мнение на уроке литературы, так потом и на уроке истории придёт на ум что-то обсудить, а потом, страшно сказать, и на лекции по марксистско-ленинской философии! Но это тогда, а почему сейчас, когда тебя всё равно никто не слышит, не обсудить то, что нам досталось в наследство от наших лучших писателей XIX века, абстрагируясь от идеологических установок XIX века и века XX? Критик же в моём представлении призван не толковать замысел автора, так как смысл произведения вполне может противоречить его замыслу и так как сам автор не вполне может объяснить его, но открывать дискуссию и поддерживать к ней интерес, а не стремиться поставить в ней по-

следнюю точку. Впрочем, в желании утвердить собственную правоту нет ничего страшного, так как это стремление не самый предосудительный недостаток, если он не влечёт за собой желание закрыть дискуссию любыми мерами — от полного игнорирования чужого мнения, через публичное осмеяние, вплоть до репрессий. Но ни один писатель, а тем более критик, не может предусмотреть или увидеть все нюансы возрастных, психических, гендерных и прочая, прочая причин, от которых зависит поведение героев какого-либо произведения. Даже если писатель или критик полностью раскроет характер героя, причины, побуждающие его к действию, и прочие тонкости... он раскроет это только для себя, а любой читатель волен всё это понимать в силу всех своих особенностей. Главное же для писателя, чтобы и через 200 лет находили в его произведении что-то интересное и нужное.

Школьная классика... казалось бы, она выучена вдоль и поперёк, все герои однозначны, и их образы не дают простора для обсуждения, ведь они выработаны лучшими критиками XIX века и утверждены аж самим Наркомпросом! Но так ли уж верны привычные для нас истины?

Предлагаю рассмотреть самую первую, скажем уклончиво, ничем не подтверждённую фактами истину, что герои комедии А.С. Грибоедова именно таковы, какими их преподносят 15-летним девушкам и юношам на протяжении по крайней мере последних 100 лет.

Первые русские писатели, а я бы их назвал ещё и философами, и психологами: Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, были объектом восхищения, опять же первых русских критиков — Белинского, Писарева, Надеждина, а также их собратьев по перу, и восторг их был до того велик, что отблеск славы писателей окружил нетленным ореолом не только их основных героев, но и их восторженных критиков. К чести Писарева и Белинского надо сказать, что первый из них не испытывал никакого пиетета перед героями «Евгения Онегина», а Пушкина он даже упрекал в бесцельном растрачивании таланта, а «неистовый Виссарион» считал

Чацкого полусумасшедшим. Голоса этих критиков потонули в общем восторженном хоре почитателей талантов Грибоедова и Пушкина, их мнением пренебрегли как несущественным на том, наверное, основании, что гении не могут писать о недостойных восхищения людях. Обманувшись... вообще трудно сознаться в том, что ты обманулся, а в том, что ты, обманувшись, сам обманул, — это вообще невысказано! Вот и шествуют по школьным учебникам и сочинениям честный, благородный и бескомпромиссный Чацкий, декабрист Онегин и образец для подражания в делах чести и в обращении с юными девами — Печорин.

Вообще, предполагать, что чьё-то мнение может считаться окончательным и не подлежащим не только обсуждению, но и сомнению, как-то несерьёзно, что ли. Нельзя считать, что чьё-то мнение могло вырабатываться без влияния конъюнктурных, сословных, возрастных, материальных или каких-то иных соображений. Поменять же однажды высказанное мнение — это для писателя невысказано, а признать ошибочность своего мнения прилюдно — это, вообще, что-то невысказано. У меня есть пара восторженных высказываний известных современных писателей об одном, ставшем известным и популярным в перестроечные и постперестроечные времена, литературном герое, которые никак не соотносились с фактами, изложенными у писателя. Так почему мы должны считать, что критическая статья А. И. Гончарова о комедии «Горе от ума» — это результат глубокого и всестороннего изучения этого произведения, а не первого и довольно поверхностного впечатления? Если мнение Белинского о Чацком было ошибочно опять же неглубокими знатоками «Горя от ума», то почему Надеждин или кто угодно другой должен писать о том, что находит он в произведении, а не то, что хотят увидеть издатели и читатели. Моё положение гораздо проще, чем Надеждина, Пиксанова, Цымбаевой и любого другого критика, так как от меня никто и ничего не ждёт: ни комплиментов, ни осуждений, поэтому ничто не мешает мне быть объективным в той мере, в какой это для меня возможно.

У меня много претензий к оценке произведений русской литературы и их героев известными писателями и критиками, эта же лекция ограничивается только комедией А. С. Грибоедова «Горе от ума». Для неё есть несколько укоренившихся ошибочных представлений, а именно:

- о сюжете самой комедии;
- о главном герое комедии;
- о направленности морали комедии;
- о характеристиках персонажей комедии.

Сюжет, который Немировичу-Данченко казался вообще трудноопределимым, на мой взгляд, довольно прост и для комедии не характерен. Я совсем не хочу умалить талант или гений Немировича-Данченко, тем более что мой прадед Илья Селиванов был вхож в круг его общения. Дело в том, что Немирович-Данченко искал и не находил в комедии социального конфликта, который был просто необходим театру того времени, а я ищу то, что есть в комедии, а не то, что хотелось бы найти. Хотя, наверное, и я лукавлю, — мне хочется разоблачить Чацкого. Даже не самого Чацкого, но тот его образ, который уже почти целый век вкладывается в умы 15-летних юношей и девушек. Этот образ, по-моему, даёт им отнюдь не лучший пример для подражания, а нелогичностью выводов снижает интерес к этому произведению, а может быть, и к классической литературе вообще. Мне ещё хочется показать, что для обвинения Молчалина в приписанных ему качествах недостаточно оснований, что его осуждают только за то, что он не нашёл хорошего выхода из положения, в которое был поставлен произволом Софьи и из которого не было хорошего выхода.

Вернёмся, однако, к сюжету. В нём нет влюблённых, которые, вопреки всем проискам богатых и глупых их недоброжелателей, соединяются. Нет здесь и кого-то умного, кто высмеивает важного, богатого и глупого дворянина или мещанина, вообще, смешного очень мало, — ну право, не над графиней же бабушкой смеяться или над Тугоуховскими!? Не удивлюсь, что самым достойным осмеяния, но горького осмеяния, персонажем Грибоедов выбрал того,

кого, по чьему-то мнению или повелению, бездумно стали считать трагической фигурой и главным героем этой комедии, чуть ли не русским Гамлетом, то есть Чацкого. Этим исследованием я взялся доказать, что Чацкий — не главное действующее лицо, тем более не главный герой, что он ни в малейшей степени не заслуживает тех эпитетов, которые ему расточаются уже почти два столетия.

Сюжет комедии мне представляется таким: хозяйская дочь — Софья, начитавшись французских романов, вообразила, что влюблена в Молчалина — секретаря своего отца. Если его сравнить с остальными персонажами, то это единственный, кто мог поразить её девичье воображение. Молчалин корректен и вежлив со всеми, компетентен, всегда аккуратно одет, предупредителен и музыкален. Если бы Чацкий даже обладал вообще всеми исключительными достоинствами в их высшем проявлении, то и тогда его отсутствие в период становления Софьи как девушки и женщины не играло бы никакой роли, как он и выразился в финале комедии, впрочем, достаточно неуместно. Софья обманом, а иначе это сделать было никак невозможно, завлекла Молчалина на свидание, на котором он был образцом скромности и порядочности. Но это свидание дало понять Молчалину, что он для Софьи не более чем новая игрушка, зависящая от её отца, а значит, и от неё. На протяжении всей ночи сама Софья, разумеется, выскакивала из комнаты то за нотами, то носик припудрить. Да и могло ли ей прийти в голову, что у Молчалина, которого она назначила влюблённым в себя, могут быть ещё какие-то потребности, а тем более низменные, кроме как любить, обожать её и потакать всем её капризам!? У Молчалина же не находилось подходящего предложения, не способного оскорбить нежных ушек молодой девицы, чтобы выйти по неотложным делам, да и вернуться он потом не смог бы, так как засидеться за полночь в комнате Софьи — это одно, а зайти в её комнату глубокой ночью — это совсем другое. В первом случае можно как-то ещё сослаться на то, что «счастливые часов не наблюдают», а во втором — это прямая компрометация барышни. Многие

помнят из школьных времён, как, беззаботно пробежав всю перемену, они только к середине опроса на уроке вспоминали, что не зашли в тот уголок, на посещение которого придётся отпрашиваться сейчас у учителя и, как всегда, в самый неподходящий момент поднимать руку. А учителю вместо блестящего ответа на поставленный вопрос придётся выслушивать порядком уже надоевшую фразу о необходимости покинуть на некоторое время класс по причине, которую наиболее искренние ученики ещё и объяснять начинают. Так вот, кто это помнит, тому нетрудно представить мучения Молчалина к утру, которым и начинается комедия. Смешны ли муки Молчалина, не спавшего уже более 24 часов, да к тому же изрядно проголодавшегося? Только для неумных людей. Удивительно ли, что Молчалин ни в коем случае не хочет повторения подобной ночи? Берусь утверждать, что нет. Хуже всего то, что у Молчалина нет хорошего способа прекратить эти свидания раз и навсегда. Поскольку он далеко не так подл, как это требуют понимать многие поколения критиков и учителей литературы, чтобы воспользоваться расположением Софьи для достижения своих карьерных устремлений, да и вряд ли Софья стремилась замуж за вчерашнего мещанина. Этим, внезапно вспыхнувшим капризом Софьи Молчалин поставлен перед выбором: отказываться от места у Фамусова или потакать прихотям его дочери, изнуряя себя физически и морально с последующим неминуемым увольнением его, но уже по инициативе Фамусова из-за неизбежных упущений по службе. Перебрав все возможные варианты, Молчалин выбирает наиболее подходящий, по его мнению, способ: приударить за молочной сестрой и наперсницей Софьи — Лизой, чтобы та донесла Софье мысль о ветренности Молчалина и тем охладила бы её пыл. К этому плану Молчалин тут же и приступил. Лизу совсем не удивило то, что к числу её поклонников прибавился ещё и Молчалин. Ухаживание мужчин, а мы уже видели заигрывание с ней Фамусова, да и приказчики с Кузнецкого моста, вероятно, не упускали случая с ней полюбезничать, не удивляли Лизу, поэтому ухаживание Молчалина не стало темой для разго-

вора между ней и Софьей. «Туалет с игольничком и зеркальцем» был бы второй его попыткой, но поскольку Молчалин, тоже не обедавший, как и Софья, но по другой причине, был вызван к Софье, и этот набор женских забав, призванный привлечь внимание Софьи и побудить её к расспросам, так и остался не вручённым Лизе. Последний разговор Молчалина с Лизой был подслушан Софьей, и разрыв произошёл с излишним драматизмом в присутствии совсем уже ненужных свидетелей. Если бы Софья преспокойно дожидалась Молчалина в своих комнатах, то хитрость Молчалина всё же удалась бы, но стоила бы ему ещё одной ночи мучений, если он не подготовился к ней соответствующим образом. Наутро Лиза, любившая посплетничать и без причины, такого повода не упустила бы. Молчалин в этом случае если и приобретал недоброжелателя в лице Софьи, то неопасного, так как предъявить что-то на него отцу она не смогла бы, прежде всего, не скомпрометировав себя.

Перед тем как осуждать Молчалина за его поведение и бегство со сцены, представьте себе мучения человека, уже не спавшего 40 или даже больше часов. Можно ли в таком случае осуждать за срыв Молчалина, который предвкушает ещё как минимум 6–8 часов предстоящих ему ночных мучений, а впереди ещё целый день службы у Фамусова, и Бог весть, какими будут следующий день и следующая ночь?! Можно только поразиться той выдержке, тому самообладанию, с которыми вёл себя Молчалин в последней сцене. Трудно сказать наверное, что именно вымаливал он у Софьи, — уже и любовь её была так же невыносима для Молчалина, как и её ненависть. Эти противоположности сошлись для него в непереносимую муку!

Как видите в сюжете, если бы Грибоедов хотел ограничиться только его разыгрыванием, просто нет места Чацкому. Так вполне можно было обойтись без Г.Д. и Г.Н., Загорецкого, Репетилова, всех Тугоуховских и Горичей, которые и пришли к Фамусову просто так, и ушли ни с чем, а их всех вполне можно было заменить древнегреческим хором. Всё

дело в том, что интрига комедии служит не более чем фоном, на котором высвечивается пустота и бессмысленность бытия представленного нам молодого московского дворянства: никто из них не занимается и никогда не занимался конкретным делом, Горич уже давно отошёл от службы, а его много лет повторяемый «дуэт А-мольный» можно считать делом только с большой натяжкой. Могу поручиться, что Грибоедов ни в коем случае не собирался критиковать Молчалина, да и вообще уделять ему внимания больше, чем того требует сюжет, потому хотя бы, что его критика не достигла бы цели, — ну не читают молчалины за недосугом дворянские пьесы! Да и взять их молчалиным было негде.

Самым ярким представителем пустопорожней части уже и не слишком молодого московского дворянства в комедии «Горе от ума» является сам Чацкий А. А., и поскольку он всеми безоговорочно признаётся главным действующим лицом, то я предлагаю вам посмотреть на него моими глазами и рассмотреть предлагаемые мной аргументы. «Хоть видит око, да зуб неймёт».

По совсем лёгкому размышлению каждый поймёт, что эта цитата из басни нашего бессмертного И. А. Крылова, чьи труды, к сожалению, так же актуальны, как и 200 лет назад, очень подходит к образу Чацкого Александра Андреевича. Ведь он, приехав, увидел лакомый кусочек — Софью, не умея и не стараясь, как и Лиса, заполучить её, обвинил Софью в том, что она глупая, распутная и не понимает своего счастья. Что ему не очень-то и хочется брать в жёны дочь такого никуда не годного отца, и уехал не солоно хлебавши в неизвестном и никому из участников сцены неинтересном направлении.

Очень жаль, что эта аналогия с Лисой не пришла мне на ум в 8 классе средней школы, ведь, высказав её, я предстал бы перед учителем таким сотрясателем основ, таким Чацким местного значения, и, наверное, я ещё раньше додумался бы до «парадокса Молчалина-Чацкого».

Вряд ли я могу настаивать на авторстве этого выражения: «парадокс Молчалина-Чацкого»... и до меня кому-нибудь

обязательно приходило на ум, что если ты безропотно соглашаешься с узаконенной трактовкой образов героев комедии «Горе от ума», то ты Молчалин, но достойный похвалы. А если пытаешься эту трактовку оспорить, то ты Чацкий, но Чацкий, достойный порицания. Таким манером заплетали мозги мне и моим ровесникам много лет назад, и я не думаю, что в преподавании литературы что-то изменилось, судя по моим очным и заочным разговорам с учениками и учителями. Ровно такое же представление дают и многочисленные вывешенные в сети непонятно для чего сочинения на тему «Образы героев комедии «Горе от ума», представляющие собой иногда просто набор выхваченных из контекста фраз. Например: в подтверждение ума Чацкого приводят фразу: «Он не глуп», не указывая, что производит её Репетиллов — личность более чем сомнительная, чью рекомендацию неангажированному читателю надо принимать с большой осторожностью. Или «При эдаком уме...». Во всей комедии нет места, где слово «эдакий» применялось автором в положительном смысле, и приведённая выше фраза вряд ли является исключением, к тому же нам неизвестна доля сарказма, вложенная Грибоедовым в уста Фамусова. Сам Чацкий фразой: «Однако искренно кто ж радуется эдак?» — вложил в «эдак» очень даже полновесную меру яда. В других случаях приводятся цитаты из писателей и критиков XIX века — отличных писателей, но почему в XXI веке я должен безоговорочно доверять писателю XIX века, в произведениях которого аллегорический Молчалин всегда одолевает аллегорического же Чацкого? Это я о А. И. Гончарове и его основных героях.

Комедия «Горе от ума» преподносится так, как будто там всё просто, понятно и однозначно, как в «Бедной Лизе», к героям которой люди разных сословий могут относиться одинаково. Потому «Бедная Лиза» и относится к категории «назидательная литература», которая равно предназначена и Лизам, и Орестам разных сословий и времён и находящимся, так сказать, в противофазе. С комедией «Горе от ума» дело обстоит совсем иначе, потому хотя бы, что

она узконаправленная, написана дворянином и для дворян, то есть Грибоедов не мог критиковать или высмеивать Молчалина. Какой в этом смысл, если пьеса написана для чацких, репетированных, князь-григориев, загорецких и прочих N. и D., удостоенных добавлением всего лишь двусмысленной буквы «Г»? Это всё к тому, что образ почти самого главного действующего лица — Молчалина, дворянам, писателям и критикам можно было не рассматривать вообще, как нет смысла брехать, смотреть не на своё отражение в зеркале, а на чей-то портрет. Молчалин после Софьи — самый главный персонаж комедии, без него интрига просто не сложилась бы. Без Чацкого... да сколько угодно! В том-то и дело, что Чацкий не действует в комедии, он — раздражитель или катализатор, а если что-то и стимулирует, то только раздражение, недоумение и злословие прочих персонажей. Вполне возможно, что Грибоедов своей комедией хотел показать добровольное устранение дворян от предназначенной им роли в жизни общества и страны, что конкретное дело, которому должны служить, они подменяют меркантильной суетой, бесплодными фантазиями и безадресными обличениями. Чацкий может быть интересен исследователю анализом тех причин, из-за которых он, не представляя собой ровным счётом ничего, вообразил о себе невесть что, и мы разделяем с ним это его мнение.

При всей необходимости Молчалина как персонажа комедии образ его не важен, как не важен образ машиниста паровоза в... «Анне Карениной». Не важно — искренне, или из-под палки, или следуя заветам отца, Молчалин угождает тому, кому, как некоторым суровым моралистам кажется, он угождает. Не важно — когда, где и как познакомился Чацкий с Молчалиным. Потому что все его действия — это реакция и, прежде всего, реакция на действия Софьи — поистине главного действующего лица! Недаром, наверное, Грибоедов начинал и заканчивал комедию женщинами — Лизой и Марьей Алексевной!

Беда преподавания, не скажу всего курса русской литературы, но только комедии «Горе от ума», в школе в том, что

все герои её преподносятся, как в романтической поэзии, какими-то бестелесными существами, душам которых доступны только высокие или низменные порывы, и в них нет ничего среднего и обычного. Мы не думаем, что перед ночным музицированием Софья от души выпалась, а Молчалин весь день писал или выполнял другие поручения Фамусова, что после свидания она вздремнула, а Молчалин нет, и что он именно в результате усталости от бессонной ночи упал с лошади. Что, отказавшись от обеда, хозяйская дочь всё равно не останется голодной, а вот призванному в её покои Молчалину придётся побыть до ужина на диете. Оставлю прочие подробности на домысливание моей аудитории, повторив ещё раз, что у организма есть потребности, которые, такие как приём пищи, нельзя отложить на некоторое время, и лишение возможности отправления коих приравнивается к пыткам или даже казни. Если исходить из того, что герои комедии — люди живые, то вы можете представить всю меру раздражения, если не ненависти, Молчалина к Софье в представленное нам на обозрение утро.

Может быть, детальный анализ всех действий героев комедии и проводился каким-нибудь тонким знатоком душ человеческих, но мне о таком не известно. Поэтому я занялся им сам, хоть и не претендую на исключительное знание человеческой природы, и подошёл к комедии, как к детективу. А уж коли это детектив, то никуда не денешься от главной рекомендации всем сыщикам, даже двух: «Ищите женщину» и «Кому выгодно?». Женщину мы уже нашли, — и это Софья. Поищем теперь «кому выгодно» и насколько. Для этого от пространных рассуждений перейдём... к Чацкому.

Помню, в то время, когда наш класс проходил комедию Грибоедова «Горе от ума», я задал учителю вопрос: «А сколько лет Чацкому?», от ответа на который учитель уклонился. Прошли мы «Горе от ума», ну и прошли, я, как и многие, потерял к комедии интерес, а впрочем, был ли он? Была ли, вообще, такая цель — возбудить в школьниках интерес к этой комедии в частности, и классике, вообще? Прежде всего, целью, мне кажется, было — уложить клас-

сику на какое-то прокрустово ложе советской идеологии, отчего все персонажи великой литературы становились плоскими и неинтересными, разделёнными по принципу: «он за царя или против». Учебник по литературе давал достаточно информации, чтобы на уроке отвечать правильно: на «хорошо» и «отлично». Само произведение можно было и не читать, что большинство учеников и делали...

Зашёл недавно скуки ради на один литературный сайт и в комментариях нашёл отзыв примерно такого содержания: «Спасибо за подборку цитат, она помогла сэкономить много времени». Отзыв этот, очевидно, следует понимать таким образом: «Ваш сайт избавил меня от необходимости читать само произведение!?» Если я прав, то этот сайт выполняет функцию, ровно обратную той цели, которую ему предназначили его создатели. Не уроки ли литературы виновны в том, что эти... популяризаторы на самом деле отбивают интерес к ней. Было бы интересно узнать, а на что было потрачено это «сэкономленное время»? Неужели на «Гарри Поттера» или компьютерные стрелялки?

Вернёмся к детективу «Горе от ума». Уж не знаю почему, наверное, из-за того, что один известный журналист сказал, что у нас мало чацких, а надобно их побольше, но у меня со временем оживился интерес к «Горю от ума», и самым первым вопросом стал опять: а всё же сколько лет было Чацкому? Слава Богу, в интернете сейчас можно найти ответы на любые вопросы и на этот тоже, если его правильно сформулировать. «В каком возрасте возможен был выезд за границу в XIX веке?» Оказывается, самостоятельный выезд дворянина был возможен в 25 лет, а на лечение или учёбу можно было выехать и раньше, но в сопровождении лица, уже достигшего 25-летнего возраста. Если бы Чацкому не было 25 лет, то его непременно сопровождал бы человек Фамусова, и в этом случае Павел Афанасьевич обязательно что-то знал бы о передвижениях и о расходах Чацкого. Даже если бы Чацкого сопровождал кто-то другой, то это был бы известный Фамусову человек, так как вряд ли паспорт был бы оформлен без участия Фамусова, а у него

вполне бы хватило влияния потребовать своевременной отчётности от сопровождающего лица или его родных. Поскольку Павел Афанасьевич не имел никаких сведений о месте пребывания Чацкого в течение 3 лет, то представляется логичным вывод, что на день отъезда Чацкому было не менее 25 лет, а на день действия комедии, соответственно, не менее 28 лет. В дополнение к уже приведённым доказательствам прибавлю, что, по крайней мере, в двух рассказах Тургенева встречается фраза: «Мне исполнилось 25 лет, я ушёл в отставку и уехал за границу». Вряд ли во времена Николая Палкина правила выезда за границу были более либеральными, чем при Александре I.

Софье на день действия 17 лет, а на день отъезда Чацкого было 14. Вопрос: мог ли взрослый мужчина всерьёз интересоваться девочкой на 11 лет себя младше? Наверное, мог, но нормально ли это? Наверное, да, но только если он видит в ней большой потенциал и серьёзно занимается её образованием, воспитанием, формирует её душу, образ мыслей и т.д., и т.п. Если же Чацкий и занимался этим, то крайне неумело и неумно. Помните это:

*Потом опять прикинулся влюблённым,
Взыскательным и огорчённым...*

Есть ли способ лучше, чтобы влюбить в себя девочку и влюблённую её образовывать и воспитывать, чем «взыскательность и огорчённость»? Несомненно, есть, а выбранный Чацким — один из наихудших. Есть ли лучше способ, чтобы оттолкнуть от себя девочку, чем выбранный Чацким, разумеется, есть, и его можно найти в арсенале садистов. Читателю, небезразличному к русской классике, непременно надо обратить внимание на это «опять прикинулся», то есть этот случай притворства был по меньшей мере вторым, а вероятнее всего, — третьим. Это значит, что за какое-то время до этого «опять» Чацкий уже прикидывался влюблённым, и у нас мало сомнения, что он и в первый раз был «взыскательным и огорчённым», но Софье в первый раз было лет куда как меньше!

Здесь начинается следующий этап следствия. В те далёкие от нас времена дееспособность молодого человека наступала в 17 лет, если он был на военной службе, или в 21 год, если служил в гражданской или не служил вовсе. Так как Чацкий отдал долг Марсу, о чём говорит он сам: «Давно ли я к нему от нежности отрёкся», имея в виду военный мундир и его знакомство, почти дружбу, с Горичем. После вступления в полк Александр стал редко бывать у Фамусовых, к этому периоду относятся фразы Софьи: «Редко стал бывать у нас» и «В друзьях особенно счастлив». О друзьях Чацкого можно судить по Репетилову, по общим с ним знакомцам и по тому, что «уголок» он решит искать «по свету», а не у друзей. В основном это была такая же не перебесившаяся молодёжь, охочая до жжёнки, шампанского и прочих развлечений. Судя по его отношениям с давними знакомцами, друзей у него на день действия не осталось. Не думаю, что Горич или прочие N. и D. с радостью примут его под свой кров, ссудят деньгами или помогут в устройстве дел. О годах военной службы у него остались воспоминания лишь о том, как и по его поводу кричали: «Да здравствует! Ура! И в воздух чепчики бросали». Насколько им были заслужены эти «ура» и «чепчики», нам неизвестно. Чацкому не довелось себя проявить на военном поприще, зато на всевозможных пирушках он был, вероятно, в числе первых. Так бы жить до скончания века, но запасы денег иссякают быстро, если их тратить без счёта. Устав отбиваться от кредиторов, Александр, которому уже было не менее 21 годика, в который раз (?) прикинувшись влюблённым, не буду повторять каким, в 10-летнюю девочку, зачастил к Фамусову с жалобами на тяжёлую жизнь и с просьбами о помощи в налаживании дел имения в Тверской губернии.

Кажется логичным, что Фамусов, занявшись имением Чацкого, привлёк для этого Молчалина — клерка из тверского присутствия, на которого и возложил впоследствии управление имением Чацкого. Поскольку у Молчалина неплохо получалось то, что у Чацкого не получалось вовсе, то было откуда взяться его неприязни. Увидев, что в управлении име-

нием Александр абсолютно бесполезен, Фамусов хлопотами Татьяны Юрьевны пристроил его в Санкт-Петербург, к министру, а потом к другому и третьему. На всех местах за Чацким присматривал Фома Фомич, за что тот и стал пользоваться нелюбовью Александра Андреича, полноту которой с Фомой Фомичом разделяли три министра и ещё куча народу, не оценившего непревзойдённых дарований этого гения. Успехи на гражданском поприще были весьма скромны, помните — «по службе неуспех», и Чацкий подал пример будущим героям Тургенева тем, что, помелькав немного у Фамусова, во второй (а вероятнее всего, в третий, если не четвёртый) раз прикинувшись «влюблённым, взыскательным и огорчённым», облившись слезами почему-то перед Лизой, а не Софьей, «вышел в отставку и уехал за границу».

Может быть, я напрасно так скрупулёзно выискиваю имеющиеся факты и домысливаю возможные повороты биографии Чацкого, ведь на ход самой комедии он влияния, по сути дела, не оказывает? Думаю, что для развенчания образа Чацкого это всё же сделать необходимо. Итак: сведений об успехах Чацкого в учёбе, кроме как о совместном с Софьей учителе, военной или гражданской службе комедия нам не приводит, а те сведения, что в комедии имеются, никак не способствуют тому, чтобы читатель как-то проникнулся к нему уважением. Надо сказать, что рекомендация Фамусова: «он славно пишет, переводит», при всём приписываемом Павлу Афанасьевичу ретроградстве, может означать только то, что Чацкий бойко пишет хорошим почерком под диктовку и копирует уже готовый текст. Тот Фамусов, коим его преподносит нам «УчПедГиз», не может поощрять сочинительства и перевода с иностранного языка, да и зачем сочинители на государственной службе?

Доказательством того, что Чацкий не задействован или, по крайней мере, не необходим в комедии, может послужить предположение: а что бы было, если бы он не приехал этим утром к Фамусовым? Да всё то же самое, только Софья вместо того, чтобы выслушивать пустопорожние упрёки и заплесневелые сплетни Чацкого, вздремнула бы лишние

полчаса, а Фамусов не наслушался бы всякой ерунды от человека, воспитанием которого он, как оказалось, занимался тщетно. Молчалин бы, наверное, всё же сумел так повлиять на Лизу, чтобы она открыла глаза Софье на него, и та оставила бы его в покое. И уж точно Филька не распростился бы с должностью швейцара, а кучеру не пришлось бы искать, где укрыться от мороза и непогоды. Слон в посудной лавке более уместен, чем Чацкий в обществе нормальных людей.

Та гневная тирада Чацкого, которую неопытный читатель принимал за осуждение, а опытные учителя не считали нужным его в этом разубеждать из-за политической направленности преподавания литературы, в адрес Нестора и Мецената, на самом деле, могла быть продиктована завистью к богатству и самодурству Нестора, и к тому, что Меценат разорился, всё же делая Дело всей своей жизни, а не просто промотавшись, как он сам. Даже если Чацкий и Меценат будут сидеть на одной паперти, то нищета Мецената будет благородной, а нищета Чацкого должна служить назиданием потомкам, что нельзя растрачивать молодые годы понапрасну.

Как хотите, но трансформация человека, который «умён, остёр, красноречив, в друзьях особенно счастлив», в жёлчного, обозлённого на всё и всех субъекта, не происходит просто так. Ум, острота и красноречие вполне могли быть приписаны Чацкому детским ещё воображением Софьи, мы же им не находим свидетельств в комедии. Зато примеров озлобленности, которая, вероятнее всего, является результатом разорения, если и не полного, то близкого к полному, находим сколько угодно. Не случайны препирательства Фамусова с Хлестовой о количестве крепостных Чацкого. Далекое не факт, что, и вообще, всё его имение не заложено и не перезаложено. Только человек, лишённый всяких видов на будущее, может с таким упоением разрушать то небольшое, что у него ещё остаётся. «Пусть всё сгорит!» Да ещё после того, что Софья не бросилась ему на шею, не погладила по головке, не утешила, как сделала бы его мать, будь она жива и в здравом уме. Мало того,

Софья ещё оказалась влюблённой и не склонной слушать гадости про свою родню и Молчалина! Ну как тут не нахамить своему опекуну, который вместо того, чтобы просто дать денег, допекает неприятными расспросами и советует «не блажить», а серьёзно чем-то заниматься?!

Читатели и зрители расстались с Чацким в последнем акте, даже как-то сожалев о нём, а вот Фамусову, скорее всего, расстаться с Чацким навсегда не получится. Назавтра, охолонув и подсчитав свои любезные, Чацкий поймёт, что у него только два выхода — идти либо в кусочки, либо с покаянием к Фамусову и всё-таки изобразить из себя правильного «блудного сына».

Если и были у Чацкого какие-то таланты, то растрочены они впустую, — своё тридцатилетие он точно встретит без образования, карьеры, состояния и имения. Не могу сказать, что он кому-то, кроме себя, причинил непоправимое зло. О нём хоть и будут сожалеть, но не убиваться.

Не стоит обходить вниманием и отношение Чацкого к женщинам. Если бы все претенденты на руку и сердце так обращались бы со своими возлюбленными, то род человеческий давно пресёкся бы. Это про Софью, и стоило ли говорить о её уме, если бы она приняла всё то, что наговорил ей Чацкий, за ухаживание.

Надо ли было Чацкому высмеивать старушку Хлестову? Татьяна Юрьевна принимала в нём участие, и как он отозвался о ней? Наталью Дмитриевну настроил против себя и графиню-внучку. Вообще, прежде чем шутить с женщинами, надо предварительно испросить совета у К. Пруткова. Я не сильно погрешу против истины, если скажу, что самые явные и на его взгляд обоснованные претензии у Чацкого... к жёнам, их дочерям, княжнам, к женщинам вообще и Софье в частности за непонимание его тонкой природы, за невнимание и нелюбовь к себе.

Никуда Чацкий не уедет, — он разновидность приживалки, которая, живя из милости, никого не любит, сама всем надоела, но выгнать которую хозяева не могут из милосердия ли, из сёрдобольности ли, но более всего — от сознания

её никчёмности, неудельности и неспособности ни к чему. Выгнать или перестать заботиться о такой, значит то же самое, что лишить её жизни, а это грех для христианина.

Чацкий — образ неумирающий, его реинкарнации мы встретим ещё... у Достоевского — Кармазина, у И. Шмелёва в образе барина Антальцева, а у Ильфа и Петрова он будет Васисуалием Лоханкиным. Вообще, Чацкий явил бы из себя весьма любопытный набор всевозможных психопатий и фобий для специалиста по отклонениям в поведении.

Молчалин, как я уже говорил, персонаж хоть и необходимый, но его образ неважен, так как все его действия — это реакция на капризы Софьи. Опять же реакция очень и очень откорректированная осознанием своего подчинённого положения патрону и благодетелю — отцу Софьи. Искренне ли он угождает или ради выгоды, — нам не известно и, за неимением фактов, предположения на эту тему, даже при достаточной их вероятности, могут быть самыми противоречивыми, а следовательно, несущественными. Единственное место, когда Молчалин, не спавший уже часов 30 с лишком, показывает, что он далеко не прост, — это в диалоге с Чацким, где он исподволь демонстрирует нам и последнему, что тот ничего собой не представляет, а Чацкий, не понимая того, оправдывается, используя домашние заготовки и демонстрируя своё злоязычие в адрес людей, которые принимали участие в его судьбе. Этот диалог даёт нам понять, что Молчалин очень неплохо осведомлён об обстоятельствах Чацкого и что Чацкий... личность довольно пустая, да ещё и жёлчная к тому же. Функция у Молчалина, говорю я, исключительно служебная и он её блестяще исполняет! Чацкий же, при всей своей ненависти или всём презрении к Молчалину, злословит о нём только заглазно, в непосредственном общении достаточно корректен. Не от того ли, что Молчалин уже является дворянином и вполне может потребовать у него сатисфакции? Ещё Молчалин нам являет пример вертикальной мобильности в первой четверти XIX века, когда человек из низов к 30 годам уже делает неплохую карьеру. Тем же, кто осуждает Молчалина за якобы низость в финальной сцене с Софьей,

скажу: если невинно осуждённый узник своим побегом доставляет нравственные страдания своему тюремщику, то это вина не беглеца, а того, кто осудил его на страдания, им незаслуженные.

Нашим великим актёрам я бы рекомендовал ничего не рассказывать нам про «игру на разрыв аорты», а просто перед тем, как воплощать на сцене образ Молчалина, не поспать 40–42 часа, а потом ещё внезапно потерять надежду поспать и в ближайшие 24. Вашему покорному слуге довелось однажды не спать две ночи кряду, но прочих ограничений у меня не было, — привычная, только круглосуточная, работа с регулярным питанием и возможностью даже 20–30 минут иногда вздремнуть. 12 часов потом я спал, не просыпаясь.

Фамусов — довольно противоречивая фигура. Его можно представить и передовым человеком, судя по его высказываниям о молодёжи, и ретроградом, если судить, как он отзывается о книгах, впрочем, он так мог отзываться только о тех книгах, что читала Софьи и тех, которые не пошли на пользу Чацкому. Но одно, я уверен, неоспоримо: Фамусов являет нам единственный на всю великую русскую литературу пример настоящей мужской дружбы. Может быть, я не очень хорошо знаю литературу, но я не могу назвать ни одного произведения, где бы фигурировали два настоящих товарища. Почему-то вспоминаются только такие романы и рассказы, в которых один другого разорил или где один другого пытается расшевелить и всячески помогает, а потом бросает за бессмысленностью процесса, или один другого убивает просто так, а вот в котором один друг принимает на себя воспитание сына умершего друга — только «Горе от ума»! Фамусов ни разу и ни в чём не упрекнул Чацкого, а ведь было за что! Фамусов не женился вторично, хоть был ещё далеко не стар, когда он потерял мать Софьи, из-за того, вероятно, что не хотел в своём доме отношений: «дочь-мачеха» и тем более «воспитанник-мачеха», то есть заботясь исключительно о детях.

Фамусов сохранил и, вероятно, приумножил состояние Чацкого. Любой человек с качествами, которые приписыва-

ют Фамусову моралисты, ещё в детстве объявил бы Чацкого недееспособным, не особенно погрешив против истины, и владел бы его именем, как собственным.

Можно почти гарантировать, что Павел Афанасьевич уже завтра, всё простив и забыв, кинется разыскивать Чацкого, если тот сам не вернётся раньше — поучаствовать в сцене «Возвращение блудного сына».

Нам ли и в наш ли век упрекать Фамусова за то, что он оказывает протекцию родне? «Свояченицы детки» — это, видимо, дети той самой «Тётки из глуши, из Саратова».

Скалозуб. Уже сама фамилия показывает, что для него... горе — не беда! Почему-то предписывается школьникам высмеивать полковника Скалозуба. До «УчПедГиза», вероятно, не доходило, что, начав высмеивать героев Отечественной войны 1812 года, можно дойти до осмеивания огулом вообще всех героев всех остальных войн, которых, к сожалению, в истории России-РСФСР-СССР-России было немало. Если до кого-то не доходит скрытый юмор высказываний Скалозуба, то это не проблема последнего. Скалозуб служил честно, и, судя по тому, что за четыре года войн — с 1809 по 1813 год, он, не прячась от пуль, стал подполковником, а на день действия комедии всего лишь полковник, то ему не слишком помогали продвигаться по службе его родня, друзья или деньги, и не важно, что он сам о себе говорил. За всю комедию Скалозуб наиболее жёстко, но вполне заслуженно, прошёлся по князь-Григорию и его присным, а кто считает, что они этого не заслужили, пусть аргументирует свои возражения Сергею Сергеевичу. Если же кто-то сможет в наш меркантильный век упрекать Скалозуба за его богатство, то и отвечать такому оригиналу не стоит.

Хлётлова, Амфиса Ниловна, 65 лет. Грибоедов дважды и по-разному рекомендует её. Первый раз как свояченицу, якобы сестру жены Фамусова, но у жены Фамусова не могло быть такой старой сестры, — вряд ли Фамусов женился на ровеснице, а не на девице лет на 20–25 моложе себя. Второй раз устами Фамусова, не читавшего, вероятно, «Горя от ума» и поэтому назвавшего её «невестушкой»,

но ни женой брата, ни женой сына она быть не могла из-за возраста, и так как сына Павлу Афанасиевичу Бог не дал, а женой брата она не могла быть из-за своей фамилии. Сама Хлёстова называла Софью племянницей. Нам известно, что у Фамусова есть свояченица, так как он помогает устраиваться в жизни её детям, но о детях Хлёстовой мы ничего не знаем, а ещё нам известно, что она принимала определённое участие в воспитании Софьи и Чацкого и поэтому озабочена состоянием возможных женихов своей любимой внучатой(!) племянницы. Ни в коем случае не комическая старуха, хоть, вероятно, она и старая дева. Хлёстова лояльна к людям, находящимся ниже её на социальной лестнице, и крепостным, она не сказала и не сделала ничего глупого или смешного.

Наталья Дмитриевна Горич. По резко изменившемуся тону общения с ней Чацкого можно понять, что он очень раздосадован её замужеством. Вряд ли именно к ней Чацкий ездил «не за этим», вероятнее всего, что она была той полковой дамой, в которой он нашёл наибольшее женское участие, и которая отчасти и на некоторое время заменила ему мать. Сам же Горич, это затухающий вулкан, он ещё может отругать Загорецкого, но изменить свою жизнь — уже нет.

Татьяна Юрьевна определённо принимала участие в судьбе Чацкого, но не смогла пристроить того ни на место царя, ни хотя бы на место самого главного советника царя, а всего лишь обеспечила стартовую площадку для талантов Чацкого в министерствах, за что и удостоилась величайшей немилости нашего... «героя».

Марья Алексевна с большой долей вероятности приходится тёткой Чацкому и ни в коем случае не Марией Алексеевной Яковлевой, как утверждают некоторые слишком тонкие знатоки и исследователи XIX века и этой бессмертной комедии. Во-первых, раз Фамусовым интересуется сама бабка самого Герцена, то Фамусов гораздо более значимая фигура в Москве, чем это хотели бы представить его критики. Во-вторых, если бы Грибоедов не хотел подчёркивать родство с нею Чацкого, то для его матери подобрал бы отчество

вполне подходящее по размеру и звучанию, Матвевна, например или Сергевна. В-третьих, родством можно гораздо убедительней доказать интерес, который Марья Алексевна испытывает к своему племяннику. Во всяком случае, мне он кажется более вероятным, чем интерес бабки самого Герцена к какому-то абстрактному недорослю-переростку. Андрей Чацкий, опасаясь, вероятно, что и у тётки, как и у её сестры, ум недостаточно... благополучен, предпочёл опекуном назначить Фамусова, чем Марью Алексевну и её мужа, того самого «дядю» — «Максима Петровича», уязвив в самое сердце. Злоязычие и любовь к сплетням, вероятно, унаследованы Чацким по материнской линии, и не напрасно Фамусов опасается того, что «будет говорить княгиня Марья Алексевна». Именно «говорить», то есть много, долго, на всех углах, во всех салонах и со всевозможными прикрасами склонять на все лады, а это не то же самое, что просто «скажет». Факт, что сам Чацкий никак не вспоминает свою тётю и в первую очередь приехал к Фамусову, а не к родне, говорит нам о том, что А.И. Чацкий сделал всё же правильный выбор.

Софья. Вряд ли она будет новой Салтычихой, но определённые задатки у неё всё же есть. Совершенно о том не задумываясь, она подвергает не только физическим, но и нравственным мучениям и свою рабу Лизу, и Молчалина, который, вообще-то, является свободным человеком, хоть и подчинённым её отца, но уж никак не её. Девушка она всё же неплохая, и не её вина, но беда, что Фамусов не пожелал отдать свою дочь в Смольный институт, надеясь, вероятно, что живая, любознательная и умная девочка потянет за собой развитие проблемного воспитанника. В институте же все её очень неплохие задатки получили бы необходимое развитие, и нам не пришлось бы её обсуждать и осуждать за почти бесчеловечное отношение к Молчалину и чтение французских сентиментальных книжонок. Будем надеяться, что после описанного в комедии вечера мозги у неё станут на место и из неё выйдет хорошая мать и жена, а хоть и Скалозубу.

Считаю необходимым заметить, что Софью описывал мужчина, достаточно молодой для того, чтобы понимать устройство женской, а тем более девичьей психики, поэтому действия у неё получаются по-мужски решительными, а реакция, по словам Чацкого, слишком логичной.

Лиза — болтушка и хохотушка. День прошёл и... слава Богу! Рассчитывать на неё как на дуэнью или как на способ, чтобы донести какую-то мысль до её хозяйки, — напрасный труд. Может передать через три года и то, если оказия подвернётся. Служит не хозяину и не хозяйке, а как придётся. Не будь Лиза молочной сестрой Софье, то давно была бы на луковой грядке. Кудряш-Петрушка «с разодранным локтём» ей предпочтительней всех ухажёров тем, что он так здорово играет на гребешке!

Вряд ли стоит кому-то ещё из действующих лиц уделять сколько-нибудь внимания. Моё мнение о них не будет заметно отличаться от официально признанного, а повторять общие места я не вижу необходимости.

Допускаю, что я не прав, но единственным человеком, претерпевшим горе от своего ума, в комедии является всё-таки Молчалин. Да, да! Ибо он за свой ум Фамусовым был замечен и привезён в Москву, за свой ум стал его секретарём и был поселён в его доме. За ум, корректность и аккуратность полюбила/обратила на него своё благосклонное внимание Софья. Его план — единственный план в комедии, был задуман Молчалиным, и не его вина, что он провалился, так как звено этого плана — Лиза, оказалось слишком непредсказуемым, и исполнению этого плана, где посылно, а где и сверх меры, мешали и Софья, и Чацкий.

Чацкий в комедии приходит ко вполне закономерному итогу — и не из-за избытка ума. Горе? Вся жизнь горе для того, кто её планомерно разрушает.

Чацкий — это граммофон сомнительной исправности: иногда он включается вовремя, иногда нет; иногда у него перескакивают дорожки и он противоречит себе же; а ино-

гда для тонкой настройки он получает удары судьбы, которой никак не управляет, да и не собирается, — что и провозгласил в своей последней фразе. «Искать», а не создавать. Это только «Вольный ветер» обещал находку тому, кто ищет, а в жизни всё немного по-другому.

Фамусову тоже горе — горе видеть всю тщету своих усилий.

Теперь о том, «кому выгодно». Увы, ни одного выгодоприобретателя в этой комедии я не обнаружил. Все основные действующие лица пострадали. Молчалин — совершенно невинно. Чацкий, который вполне бескорыстно разрушал свою и чужие жизни, — более чем заслуженно. Софья вполне заслуженно, а Фамусов частично заслуженно, — всё-таки его долг перед собственным ребёнком должен быть гораздо выше долга дружбы, тем более что забота о дочери не требовала бросить Чацкого на произвол судьбы.

Заключение

Надеюсь, что я был правильно понят моими слушателями, но на всякий случай поясню, что у меня нет, не было и быть не могло каких бы то ни было претензий к комедии, а тем более к её автору, как у члена-корреспондента АН Пиксанова, например, который придрался к тому, что Софья не могла так запросто зимой увидеть падение Молчалина из окна, но при этом верит голословным уверениям Чацкого в глупости Молчалина. Допускаю, что у автора и было несколько оплошностей в комедии, так почему бы его критикам не сделать что-то лучше, чем «Горе от ума»? А я просто пытался выискать ВСЮ информацию, которую вложил Грибоедов в свою комедию и, отбросив в данном случае ложную скромность, могу сказать, что у меня это неплохо получилось.

Спасибо за внимание.